

Французская Академія.

Статья А. С. Пушкина.

крибъ въ Академія. Онъ занялъ кресла Арно, умершаго въ прошломъ году.

Арно сочинилъ нѣсколько трагедій, которыя въ свое время имѣли большой успѣхъ, а нынѣ совсѣмъ забыты.

Такова участь поэтовъ, которые пишутъ для публики, угождая ея мнѣніямъ, примѣняясь къ ея вкусу, а не для себя, не въ слѣдствіе вдохновенія независимаго, не изъ безкорыстной любви къ своему искусству! Двѣ или три басни, остроумныя или граціозныя, даютъ покойнику Арно болѣе права на титуло поэта, нежели всѣ его драматическія творенія. Всѣмъ извѣстенъ его *Листокъ*:

De ta tige détachée,
Pauvre feuille desséchée
Ou va tu?—Je n'en sais rien, etc.

Участь этого маленькаго стихотворенія замѣчательна. Костюшко передъ своею смертью повторилъ его на берегу Женевскаго Озера; Александръ Ипсиланти перевелъ его на Греческій языкъ; у насъ его перевели Жуковскій и Давыдовъ,

Нашъ боець чернокудрявый
Съ бѣлымъ локономъ на лбу.

Можетъ быть, и самъ Давыдовъ не знаетъ стиховъ, которые написалъ ему Арно, услыша о его переводѣ. Онъ помѣстилъ ихъ въ примѣчаніяхъ къ своимъ сочиненіямъ*.

При вступленіи своемъ въ Академію Скрибъ произнесъ блестящую рѣчь, на которую столь же блистательно отвѣчалъ Вильмень, а J. Janin въ своемъ фельетонѣ осмѣялъ того и другаго. Въ семь случаевъ всѣ три представителя Французскаго остроумія были на сценѣ.

РѢЧЬ Г. СКРИБА.

Мм. Гг.

„Когда Генуэзская Республика, какъ вамъ извѣстно, дерзнула сопротивляться Лудовику XIV, тогда Дождь ея принужденъ былъ явиться въ Версаль, чтобъ испросить прощеніе у великаго Короля. Въ то время, какъ удивлялся онъ Версальскимъ садамъ, гдѣ каждый шагъ представляетъ побѣду искусства надъ природою, ихъ шумнымъ водопадамъ, апельсиннымъ рощамъ и висячимъ террасамъ, его спросили: что находитъ онъ всего необыкновеннѣе въ Версали? Дождь отвѣчалъ: „мое присутствіе!“

Такъ и я, Мм. Гг., видя вокругъ себя всѣ знаменитости Франціи, окруженный славными воспоминаніями литтературнаго величія, я долженъ бы удивляться всего болѣе моему здѣсь присутствію, еслибъ только одна мысль не успокоивала и не ободряла меня:

Академія, эта представительная Палата Литтературы, желала, чтобы всѣ роды произведеній, получившіе право гражданства по силѣ Буаловой хартіи и законовъ вкуса, имѣли въ нѣдрахъ ея своихъ уполномоченныхъ, ею утверждаемыхъ: подобно нашимъ законодательнымъ собраніямъ, гдѣ избранный небольшою деревнею сидитъ рядомъ съ Депутатомъ большаго города, она предоставила мнѣ входъ въ свое собраніе и возвысила тѣмъ незначительный родъ сочиненія,

---

* *La Feuille* a obtenu dans plus d'une langue les honneurs de la traduction. Celle qui en a été faite en russe par le général Davouidoff, est, dit-on, remarquable par son élégance et sa fidélité. M. Davouidoff est un de ces hommes qui, nés avec le don de la poésie, ne s'y livrent que par caprice et pour se délasser de la guerre et des plaisirs. Instruit de l'honneur qu'il en avoit reçu, l'auteur de ces fables lui en adressa un exemplaire avec cet envoi:

A vous, poëte, à vous, guerrier,
Qui sablant le champagne au bord de l'Hipocrène
Avez d'une feuille de chêne
Fait une feuille de laurier.

котораго я представитель; я бы гордился этимъ позволеніемъ, еслибъ авторъ водевилей имѣлъ право гордиться.

Да, М. Г., я не ошибаюсь въ истинной причинѣ моего сюда назначенія! Если довольно долго испытывалъ я свои силы на второстепенной сценѣ и старался изобразить Талію въ миниатюрѣ, если иногда на театрѣ, болѣе возвышенномъ, я старался начертать нѣсколько картинъ большаго размѣра; такія усилія не даютъ еще мнѣ права почитать себя здѣсь однимъ изъ представителей комедіи. Вы же, Мм. Гг., и не нуждаетесь въ новыхъ: вы имѣете блистательныхъ авторовъ *Домашняго Тирана*, *Адвоката*, *Двухъ Зятей*, *Школы Стариковъ*; вамъ хотѣлось только, чтобы кресла Ложона не оставались надолго праздными!

Въ его имени вы дали *Пъски* грамоту на дворянство; вы захотѣли передать ее мнѣ, и я только этому обстоятельству обязанъ честью занимать мѣсто между вами.

Можетъ быть, этотъ родъ сочиненія, по видимому столь незначительный, котораго названіе странно слышать подъ классическими сводами этой залы, можетъ быть, онъ достоинъ вашего вниманія; и мнѣ должно было бы по всей справедливости, или по крайней мѣрѣ изъ благодарности къ своему протектору, защищать его; мнѣ бы должно рассказать вамъ исторію Водевиля (*Val de rige*) отъ его колыбели до нашихъ дней; но обязанность болѣе важная и торжественная занимаетъ мои мысли и останавливаетъ на устахъ веселые напѣвы.

Много уже времени прошло съ тѣхъ поръ какъ я въ первый разъ былъ въ этой залѣ. Я учился тогда въ Наполеоновскомъ Лицеѣ, и на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ все осталось попрежнему, намъ раздавали награды. Товарищи, соперники, друзья были здѣсь, какъ и теперь! Тамъ родные, сестры, матери!... Счастливъ, кто имѣетъ мать свидѣтельницею своего торжества! Я тогда былъ счастливъ! На этой сторонѣ сидѣли наши учителя, начальники, знаменитые литераторы и государственные люди: пальмы, назначенныя въ награду слабымъ достоинствамъ, раздавались тогда, какъ и теперь, великими талантами. Я спросилъ у моего сосѣда, какъ зовутъ Президента? Онъ отвѣчалъ: это Г. Фонтанъ (*C'est le Grand-Maitre M. de Fontanes*). А возлѣ него кто это съ такимъ важнымъ и прекраснымъ видомъ? Главный Секретарь Университета, Г. Арно, авторъ *Марія въ Минтурнѣ*, трагедіи, которой прелестные стихи мы знали наизусть... Авторъ *Марія въ Минтурнѣ*! Я привсталъ, чтобъ посмотреть на него: думалъ ли я тогда, что ученикъ займетъ мѣсто своего учителя—и что приду въ это святилище я—положить кипарисную вѣтвь на гробъ раздававшаго вѣнки!

Зачѣмъ, по крайней мѣрѣ, голосъ сильнѣе и выразительнѣе моего не призванъ говорить похвальное слово этому добродѣтельному человѣку и поэту, о которомъ вы сожалѣете? По какому послѣднему для него несчастію трудная честь оцѣнить произведенія трагической его музы досталась въ удѣлъ питомцу пѣсни?

Увлеченный съ юныхъ лѣтъ непреодолимою склонностію къ поэзіи, Г. Арно былъ еще очень молодъ, когда издалъ *Марія въ Минтурнѣ*, первое свое произведеніе; это было смѣлое предпріятіе для молодаго человѣка 24-хъ лѣтъ: возбудить участіе къ отвратительному Марію, человѣку, наполнившему Италію кровью и кознями, человѣку, который обезславилъ себя хищеніемъ и грабительствомъ, не имѣлъ подобно Силлѣ ни довольно величія души, чтобъ остановиться во время, ни довольно смѣлости, чтобъ оставить свое поприще; но Г. Арно понялъ, что въ глазахъ толпы несчастіемъ искупаются преступленія. Онъ избралъ героемъ не Марія гонителя, а Марія изгнанника, побѣдителя Кимвровъ, скитающагося бѣглеца; онъ чувствовалъ, что бываетъ на свѣтѣ великое и благородное зрѣлище: слава въ борьбѣ съ несчастіемъ, неудача, переносимая съ мужествомъ—и онъ отгадалъ! Не подражая авторамъ, до него изображавшимъ этотъ предметъ, не призывая на помощь ни постороннихъ интригъ, ни женщинъ, ни трагической любви, онъ приступилъ къ своему предмету съ строгою простотою древности—и создалъ историческую картину, надъ которой возвышается вездѣ великій образъ Марія. И помните ли вы, Мм. Гг., какое впечатлѣніе производилъ этотъ рабъ, этотъ Кимвръ, когда онъ, испуганный при видѣ Консульскаго чела, покрытаго сороколѣтнею славою, бросалъ кинжалъ и убѣгалъ повторяя:

„Я никогда не буду въ состояніи умертвить Марія!“

Эта трагедія была посвящена Его Свѣтлости Графу Прованскому, будущему Лудовику XVIII. Арно былъ привязанъ къ дому его потому, что принцъ любилъ литературу, и покровительство его могло быть полезно молодому поэту: въ тѣ времена оно было необходимо даже и для литературнаго успѣха; времена измѣнились, и слава Богу, теперь писатель не имѣетъ надобности просить вельможъ удостоить его покровительствомъ! Въ своемъ трудѣ находитъ онъ славу—и еще болѣе, если возможно—свою независимость.

Въ началѣ революціи Гр. Прованскій удалился въ чужіе края; а Арно, подвергаясь отъ того многимъ опасностямъ, успѣшилъ переѣхать въ Англію. Странная была его участь! Покровитель, имъ избранный, тогдашній Принцъ, а въ послѣдствіи Король, былъ причиною двукратнаго удаленія Арно изъ Франціи: въ 92 году своимъ отъѣздомъ, въ 1815 своимъ прибытіемъ.

Арно старался снова возвратиться на родину. Захваченный какъ эмигрантъ въ Дункирхенѣ, онъ былъ брошенъ въ тюрьму и освобожденъ изъ нея по приказу Комитета общественнаго спокойствія (Comité de salut public), который постановилъ, и на этотъ разъ справедливо, что законъ объ эмигрантахъ не распространяется на литераторовъ, а слѣдовательно и на автора Марія въ Минтурнѣ, поэтически предполагая, что вселенная принадлежитъ поэту, и что его отечество повсюду.

Наступили лучшіе дни для Франціи: республика еще существовала, но безъ кровавыхъ топоровъ Децемвировъ, даже безъ строгостей Рима и Спарты. По невоздержному вкусу къ роскоши и удовольствіямъ, по забвенію прошедшаго и безопасности о будущемъ, можно было бы назвать республику Аѳинскою, если бы у кого только достало смѣлости сравнить Барраса съ Перикломъ! Мы были тогда подъ правленіемъ Директоріи, правленіемъ слабымъ, веселымъ, роскошнымъ, правленіемъ, такъ сказать, Регенства Революціи.

Обратившись къ литературнымъ трудамъ, Арно издалъ сперва трагедію *Оскаръ*, гдѣ такъ мило выражены тихія чувства любви и дружбы; потомъ трагедію *Венеціанцы*, коихъ пятый актъ есть лучшій актъ драмы новѣйшихъ временъ. Впрочемъ, для исторической вѣрности, мы должны сказать, что Арно не одинъ сочинилъ этотъ пятый актъ. Сперва онъ далъ щастливую развязку своей пьесѣ. *Montcassin*, герой ея, не умиралъ, а былъ спасенъ своимъ соперникомъ отъ казни; эта развязка не понравилась одному Члену Института, котораго Арно зналъ въ Италіи, и которому читалъ свою трагедію. Этотъ Членъ Института былъ генералъ Бонапартъ, котораго мнѣнія въ литературѣ были столь же тверды и рѣшительны, какъ и въ политикѣ; онъ терпѣть не могъ Вольтера, имѣлъ нещастіе не любить Расина, но Корнея готовъ былъ сдѣлать первымъ министромъ *. Бонапартъ любилъ развязки разительныя и хотѣлъ, чтобъ даже и на театрѣ всѣ препятствія уничтожались штыкомъ.

Конецъ пятаго акта *Венеціанцовъ* былъ для этого человека неестественъ: онъ находилъ, что щастіе любовниковъ портило развязку. Еслибы нещастіе было неисправимо, говорилъ онъ г-ну Арно, то минутное ощущеніе, которое оно произвело во мнѣ, осталось бы у меня до вечера, до завтра!... Нужно, чтобъ герой умеръ, надо непременно убить его! Убейте его! и *Montcassin* былъ казненъ, по повелѣнію Наполеона, къ великому удовольствію публики, утвердившей приговоръ рукоплесканіями. Безполезно упоминать, что

* См. *Mémorial de Las-Cazes*.

трагедія *Венеціанцы* была посвящена генералу Бонапарту: это и справедливо.

Бонапартъ любилъ Арно, и эта дружба никогда не измѣнялась; Арно, какъ надежному человѣку, Бонапартъ поручалъ образованіе Іонійскихъ острововъ; Бонапартъ принимаетъ Арно въ своемъ домѣ, въ улицѣ Шантерень, позволяя ему участвовать въ домашнихъ разговорахъ, которые тогда были исторіею; послѣ, на адмиральскомъ кораблѣ, который везъ въ Египетъ Кесаря и его фортуну, Бонапартъ и Арно толкуютъ объ Оссіанѣ и Гомерѣ; потомъ Бонапартъ-императоръ даетъ ему одно изъ первыхъ мѣстъ въ Университетѣ. Наполеонъ постоянно уважалъ Арно, хотя не разъ могъ бы жаловаться на его сатирическія выходки и рѣзкую откровенность. Тотъ, кто однимъ взглядомъ умѣлъ отгадать, оцѣнить достоинство, въ первый день своего прибытія въ Италію, рукою побѣдителя написалъ на своихъ памятныхъ табличкахъ имя Арно: и двадцать три года спустя послѣ того, рукою умирающаго, писалъ онъ это же имя въ своемъ завѣщаніи, съ утесовъ Св. Елены.

Что могу я прибавить къ этому свидѣтельству?

Послѣ стодневнаго переворота, Арно былъ изгнанъ, а что и того удивительнѣе, лишенъ мѣста, которое онъ занималъ между вами и на которое онъ вами былъ призванъ. Касательно стиховъ и поэзіи, Мольеръ сказалъ:

„Hors qu'un commandement exprès du roi ne vienne...”

Повелѣніе пришло и исключило Арно изъ Института.

Во время своего изгнанія, которое Арно перенесъ съ благородствомъ и твердостію, онъ сочинилъ послѣднее отдѣленіе Басень, лучшее, по моему мнѣнію, литературное его произведеніе: ибо здѣсь онъ создалъ новый родъ, который останется образцомъ, тѣмъ болѣе, что авторъ не старался подражать ни Лафонтену, ни Флоріану; здѣсь нѣтъ веселой простоты перваго, нѣтъ изящной и граціозной чувствительности втораго: здѣсь эпиграмма, здѣсь сатира, здѣсь Ювеналь, сдѣлавшійся баснописцемъ—можетъ быть, по одинаковой причинѣ.

Не былъ ли Арно увлеченъ самъ своею гиперболою? Не представлялось ли ему общество слишкомъ порочнымъ, а люди слишкомъ злыми? Справедливо упрекали Флоріана за излишнее множество овецекъ, разсыпанныхъ въ его сочиненіяхъ. Кажется, въ басняхъ Арно не слишкомъ ли много волковъ?...

Въ отсутствіе Арно, трагедія его *Германикъ* игралась въ Парижѣ и была принята съ успѣхомъ въ первый день, а на другой изгнана изъ театра подобно автору ея, изгнанному изъ Франціи.

Наконецъ, когда послѣ пятилѣтней ссылки насталь для него день правосудія, онъ возвратился въ отечество и опять занялъ свое мѣсто между вами... Тутъ неожиданный случай снова и уже навсегда похитилъ его у вашей дружбы! Младшій изъ его сыновей испыталъ жестокую потерю; отецъ спѣшилъ утѣшить сына и предпринялъ роковое для себя путешествіе. Арно имѣлъ привычку долго прогуливаться пѣшкомъ; на ходу сочинилъ онъ всѣ свои творенія. Однажды утромъ, по сильному жару, онъ проходилъ и просочинялъ болѣе обыкновеннаго; усталый онъ воротился домой; легъ на кровать и сказалъ дочери: поиграй на фортепіано; дочь повиновалась; отецъ, будто отдыхая, все болѣе и болѣе поникалъ головою: онъ уже былъ мертвъ, а она еще играла.

Онъ скончался безъ страданія, безъ предсмертныхъ мученій, съ улыбкою на устахъ, думая о своихъ утреннихъ трудахъ, о дѣтяхъ, о друзьяхъ, можетъ быть, о васъ, Мм. Гг.!

Онъ умеръ, оставивъ намъ троихъ сыновей, свою и нашу надежду! троихъ сыновей, которые на поприщахъ литературномъ, военномъ и судебномъ, достойно поддерживаютъ честь отцовскаго имени. Одинъ изъ нихъ, авторъ Регула, доказалъ, что принадлежитъ къ одной изъ тѣхъ фамилій, которыхъ слава наследственна, доказалъ, что аристократическое право дворянства, доставаемое авторствомъ, подобно купленному оружіемъ, можетъ учреждать маюратство.

Хотя ничто не подавало повода думать о скорой кончинѣ Арно, но съ нѣкотораго времени здоровье его видимо слабѣло. Сильные удары, безжалостно направленные на челоуѣка и писателя, поколебали его крѣпкую, но чувствительную и раздражительную организацію.

Въ наши времена существуетъ ядовитый родъ критики, которая достигаетъ до сердца; ею не поскупились для Арно: и, не смотря на свои сѣдины, на прежніе триумфы, онъ не могъ, подобно Марію въ Минтурнѣ, обезоружить Кимвра.

Надобно сказать и то, весьма часто ошибались въ характерѣ Арно. Въ душѣ этого челоуѣка глубоко напечатлѣвались всѣ воспоминанія и добра и зла. Если онъ никогда не забывалъ нанесеннаго ему зла, то вѣчно за то носилъ въ сердцѣ благодареніе. Признаемся также, что, по живому и острому расположенію ума своего, Арно не могъ удержаться отъ остраго слова, и если прибавимъ къ этому недостатку необыкновенную откровенность Арно, то намъ будетъ понятно, отъ чего онъ имѣлъ столько враговъ. Между тѣмъ не было челоуѣка добрѣе его. Неразъ доказывалъ онъ это; неразъ, занимая важную должность при Университетѣ, онъ подавалъ руку помощи

отвергнутому таланту или скромному достоинству. Арно принялъ въ свою канцелярію нашего поэта Беранже, котораго онъ одинъ тогда разгадалъ. Разговоръ Арно былъ исполненъ выражений смѣлыхъ и живописныхъ, носилъ на себѣ отпечатокъ той насмѣшливости, которая встрѣчается въ его басняхъ, разныхъ стихотвореніяхъ и даже въ пѣсняхъ, оригинально веселыхъ.... да, Мм. Гг., въ пѣсняхъ Арно, въ пѣсняхъ трагическаго писателя! Я такъ горжусь этимъ обстоятельствомъ, что спѣшу заговорить о немъ: это для меня важный авторитетъ, это новое доказательство въ пользу рода сочиненія, которому я осмѣливаюсь, можетъ быть, дерзко доставить между вами право гражданства.

Для этого, Мм. Гг., мнѣ бы должно развернуть передъ вами то, что я назову героическими временами пѣсни, когда она сопутствовала въ сраженіяхъ Роланду и храбрымъ рыцарямъ Карла Великаго, или когда съ Труверами и Менестрелями съ арфою въ рукахъ она приходила къ дверямъ Дворца и садилась за столъ съ владѣтелемъ замка; показать вамъ, потомъ, какъ она отправилась въ крестовые походы и возвращалась съ первыми христіанскими баронами; какъ она, сидя у готическаго очага, веселымъ напѣвомъ о Султанѣ Саладинѣ забавляла досуги благородныхъ дамъ. Потомъ я бы долженъ былъ представить вамъ ее, когда нѣжная и воинственная съ Агнесою Сорель она научала Карла VII, какимъ образомъ возвращаютъ королевства; какъ она, насмѣшливая и щеголеватая, писала съ Францискомъ I веселые куплеты на стеклахъ Шамбора, потомъ вдругъ, фанатическая и возмутительная, съ крестомъ Лиги, или подъ знаменемъ Фронды, нападала на Королей, низвергала министровъ, перемѣняла Парламенты; и можетъ быть, желая изобразить исторію пѣсни, я бы неожиданно рассказалъ вамъ всю исторію Франціи.

Въ знаменитой рѣчи, исполненной тонкихъ и остроумныхъ мыслей, одинъ изъ первыхъ нашихъ драматическихъ авторовъ доказывалъ здѣсь, что если бы какой нибудь ужасный переворотъ истребилъ съ лица земли всѣ историческіе документы, оставивъ невредимымъ лишь собраніе нашихъ комедій, то это собраніе замѣнило бы всѣ лѣтописи. Литтературная свобода Академія позволитъ ли мнѣ не вполне раздѣлять это мнѣніе? Я не думаю, чтобъ комическій авторъ былъ историкомъ: это не его назначеніе; не думаю, чтобъ въ самомъ Мольерѣ можно было найти исторію нашей страны. Комедія Мольера говоритъ ли намъ что нибудь о великихъ происшествіяхъ вѣка Людовика XIV? Есть ли въ ней хотя слово о заблужденіяхъ, слабостяхъ и ошибкахъ великаго Короля! Говоритъ ли она объ уничтоженіи Нантскаго эдикта? Нѣтъ, Мм. Гг., точно

также, какъ комедія временъ Лудовика XV молчитъ о *Rage-au-segf*, комедія временъ Имперіи — о страсти къ завоеваніямъ! Если прибавимъ къ этому новую невѣроятность (меня такъ часто упрекали въ этомъ недостаткѣ, что мнѣ позволено будетъ прибавить еще тысячу первую въ пользу истины) и если въ свою очередь предположимъ, что, подобно тому намѣстнику Магомета, который сжегъ всю бібліотеку Александрійскую и сохранилъ только книгу Пророка, найдется въ наши времена какой нибудь побѣдитель Калмыцкій или Татарскій, любитель веселостей, пристрастный къ пѣснямъ какъ Омаръ къ Алкорану, сожжетъ всѣ историческія книги, а пощадитъ только собраніе нашихъ пѣсенъ разнаго рода и водевилей, напечатанныхъ донынѣ, посмотримъ, не лъзя ли будетъ съ пособіемъ однихъ этихъ документовъ возстановить главнѣйшіе факты нашей исторіи? Быть можетъ, я заблуждаюсь; быть можетъ, это одинъ только парадоксъ: но мнѣ кажется, что съ помощію этого веселаго архива, этихъ поющихъ лѣтописей, легко было бы отыскать имена, числа, происшествія, забытыя комедіею, или историческія лица, пощаженыя ею.

Подобная вѣрность не возможна для комической музы, я знаю; я это говорю ей не въ укоризну, а рассказываю просто, какъ есть дѣло; я увѣренъ, что ни Лудовикъ XIV, ни Лудовикъ XV, ни Наполеонъ, не потерпѣли бы на театрѣ великихъ поученій исторіи, и не позволили бы вывести на сцену то, что бы до нихъ близко касалось. Нынѣшній комическій авторъ въ семъ отношеніи не имѣетъ больше преимущества передъ своими предшественниками. У насъ раздражительность партій заступила мѣсто раздражительности Правительства; въ нашъ вѣкъ свободы, мы не вольны изображать на сценѣ все смѣшное: всякая партія защищаетъ своихъ и позволяетъ занимать смѣшное лишь у сосѣда; самое книгопечатаніе, эта неограниченная власть свободныхъ правленій, книгопечатаніе хочетъ говорить правду всему свѣту, но не любитъ, чтобъ говорили ему истину. Я здѣсь, повторяю, не хочу укорять комедію, но напротивъ оправдать ее и доказать, что отъ нея требовали невозможнаго, требовали, чтобъ она заступила мѣсто исторіи.

По крайней мѣрѣ, комедія намъ описываетъ нравы?... Справедливо! Согласенъ, что она ближе къ точности и истинѣ нравоописательной, нежели къ исторической; но со всѣмъ тѣмъ, исключая нѣкоторыя, весьма рѣдкія произведенія (какъ наприм. *Туркаретъ*, образецъ точности), мы находимъ театръ, по какой-то довольно странной судьбѣ, почти всегда въ прямомъ противорѣчій съ обществомъ. Напримѣръ, Мм. Гг., касательно нравовъ? Разберемъ эпоху Регенства! Если комедія выражаетъ постоянно общество, то комедія тѣхъ временъ должна бы намъ представить странныя воль-

ности и веселія сатурналіи. Совсѣмъ нѣтъ; она холодна, точна, взыскательна и благопристойна. Такова комедія Детуша, она не смѣется или смѣется очень мало, комедія Лашоссе плачетъ. Подъ скиптромъ Лудовика XV, или лучше подъ скиптромъ Вольтера, въ ту минуту, когда разрѣшались эти великіе вопросы, измѣнившіе всѣ общественныя мысли и въ быстромъ движеніи увлекавшіе осьмнадцатое столѣтіе, столь полное настоящимъ и будущимъ, мы видимъ на театрѣ Дора, Мариво, Де Лану, т. е. остроуміе, романтизмъ и пустоту.

Во время самыхъ жестокихъ періодовъ революціи, когда трагедія, какъ говорили, рыскала по улицамъ, что представлялъ театръ? Сцены человѣколюбивыя и чувствительныя, какъ напримѣръ: *Женщины*, *Сыновья Любви*, а въ Январѣ 93 года, во время суда надъ Лудовикомъ XVI, давали *Прекрасную Мызницу*, комедію пастушескую и чувствительную. Во время Имперіи, въ царство славы и побѣдъ, комедія не была побѣдительницею и воинственною! При возстановленіи Бурбоновъ, правленіи мирномъ, лавры, военные мундиры, завладѣли сценою; Талія надѣла эполеты! А въ наши времена? Въ эту самую минуту, въ которую я говорю съ вами, вообразите иностранца, новаго Анахарсиса, упавшаго съ неба посреди нашей образованности и отправляющагося въ театръ, чтобъ узнать точное и положительное состояніе Парижскихъ нравовъ въ 1835-мъ году? Какъ бы испугался этотъ почтенный иностранецъ! Онъ не посмѣлъ бы показаться въ улицахъ Парижа невооруженный, не посмѣлъ бы сдѣлать шага, чтобъ не встрѣтить убійства, прелюбодѣянія, кровосмѣшенія; а все отъ того, что его увѣрили, будто театръ есть выраженіе общества.

И еслибъ потомъ кто нибудь взялъ этого иностранца за руку и ввелъ въ наши гостиныя, въ нашъ семейный кругъ, съ какимъ бы удивленіемъ увидѣлъ онъ, что ни въ одну эпоху, можетъ быть, нравственность наша не была такъ хороша, какъ теперь; что кромѣ нѣкоторыхъ исключеній, о которыхъ говорятъ только по ихъ рѣдкости, никогда еще подъ домашнею кровлею не жило столько добродѣтелей. Еслибъ ему сказать, что прежде высшіе классы подавали примѣръ порока, что часто самъ Дворъ ничтожилъ народную нравственность; если сказать ему, что теперь добродѣтель низходитъ къ намъ свыше и отражается отъ престола на обществѣ: то, помирившись съ этимъ обществомъ, которое онъ обвинялъ по незнанію, иностранецъ съ радостію сказалъ бы: меня обманули; слава Богу, театръ не всегда служитъ выраженіемъ современныхъ нравовъ!

Какимъ же образомъ растолковать, Мм. Гг., это постоянное

противорѣчіе между театромъ и обществомъ? Случай ли этому причиною, или скорѣе современный вкусъ и наклонности, отгаданныя и разработанныя авторами? Вы идете въ театръ не за правоученіемъ или исправленіемъ, а для развлечения и удовольствія. Васъ увеселяетъ болѣе вымыселъ, нежели истина! Представляя то, что вы имѣете ежедневно передъ глазами, не лѣзя вамъ понравиться; но то, чего не видите вы въ обыкновенной жизни, все чрезвычайное, романическое, вотъ что васъ очаровываетъ,—теперь это и представляютъ вамъ.

Такъ во дни ужаса революціи, именно потому, что вашимъ глазамъ больно было смотрѣть на кровавыя сцены и грабительства, вы были счастливы, находя на театрѣ человеколюбіе и благотворительность, которыя тогда были вымыслами....

Точно такъ и во времена возстановленія Бурбоновъ, вамъ напоминали тѣ дни, когда вы давали Европѣ законы—и прошедшее утѣшало васъ въ настоящемъ.

Слѣдственно театръ весьма рѣдко бываетъ выраженіемъ современнаго общества; по крайней мѣрѣ, какъ мы видѣли, онъ часто выражаетъ противоположное, такъ что должно искать происшествія въ томъ именно, о чемъ театръ молчитъ. Комедія изображаетъ страсти всѣхъ временъ, какъ изображали ихъ Мольеръ, Данкуръ и Пикарь, съ такою веселостію, какъ Коленъ д'Арлевилль, съ такою прелестью, какъ Андриѣ; она описываетъ рѣдкія изключенія и минутныя странности; она едва приподнимаетъ завѣсу и показываетъ намъ только уголокъ общества; но нравы цѣлаго народа, цѣлыя эпохи, изящныя или грубыя, развратныя или набожныя, кровавыя или героическія, кто ихъ намъ откроетъ? Хороши онѣ были или дурны, ихъ вы найдете, Мм. Гг., въ тѣхъ лѣтописяхъ, о которыхъ я вамъ сейчасъ говорилъ:

*Ces peintures naïves,
Des malices du siècle immortelles archives.*

Пѣсня! она не имѣла никакой выгоды скрывать истину, а появлялась напротивъ именно для того, чтобъ высказать ее! И такъ, Мм. Гг., пробѣжимъ снова тѣ эпохи, о которыхъ мы говорили, начнемъ съ Регенства, такъ мало сохраненнаго комическими авторами того времени и прибѣгнемъ къ пѣсенникамъ: не будутъ ли они болѣе вѣрными живописцами общества? Колле, напримѣръ:

*Chansonniers, mes confrères,
Le coeur, l'amour sont des chimères,
Dans vos chansons légères
Traitez de vieux abus
Ces vertus
Qu'on n'a plus.*

Не бойтесь, Мм. Гг., я вамъ прочту только одинъ куплетъ и то отрывками:

L'amour est mort en France
 C'est un
 Défunt
 Mort de trop d'aisance!
 . . . . .
 Et tous ces nigauds
 Qui font des madrigaux
 Supposent à nos dames
 Des coeurs
 Des moeurs,
 Des vertue, des ames!
 Et remplissent de flammes
 Nos amans presque eteints,
 Ces pantins
 Libertins!

Не видите ли вы, Мм. Гг., всего Регенства въ этихъ стихахъ? А что было бы, еслибъ я прочиталъ всю пѣсню до конца!

Хотите ли узнать общество осьмнадцатаго столѣтія? Это общество щегольское и остроумное, разсудительное и скептическое, которое вѣрило не въ Бога, а въ наслажденія? Хотите ли имѣть понятіе о его нравахъ, философіи и маленькихъ ужимкахъ? Не спрашивайте Комедию—она вамъ ничего не скажетъ! Прочтите пѣсни Буазенона, Буфлера и кардинала Берни.

Пойдемте далѣе къ тѣмъ временамъ, когда испуганной Пѣснѣ приходилось изломать свирѣль свою: она и тутъ не молчитъ, не перестаетъ описывать нравовъ своего времени; она неотлучна какъ вѣрное эхо, при всякой громкой эпохѣ принимаетъ звуки и передаетъ ихъ намъ. Такъ въ нашу революцію, раздѣляющуюся на двѣ различныя половины, періодъ ужасовъ изображенъ въ безбожныхъ пѣсняхъ 93 года, періодъ геройства и славы въ вопнственныхъ гимнахъ, которые повели нашихъ воиновъ на завоеваніе Европы.

Я не говорю вамъ о славѣ Имперіи—она имѣла исторіографами всѣхъ пѣсенниковъ той эпохи, начиная съ Дезожье, перваго пѣсенника всѣхъ временъ, который производилъ пѣсни, какъ Лафонтенъ басни!

Что касается до временъ возстановленія Бурбоновъ, то не спрашивайте о нихъ наши театры, не ищите ихъ въ столбцахъ Монитѣра: для этого у насъ есть пѣсни Беранже.“

— Въ концѣ рѣчи своей, остроумный ораторъ представляетъ Пѣсню во всегдашнемъ бореніи съ господствующею силою: онъ припоминаетъ, какъ она воевала во времена Лиги и Фронды, какъ

осаждала палаты кардиналовъ Ришельё и Мазарина, какъ дерзала порицать важнаго Лудовика XIV, какъ осмѣивала его престарѣлую любовницу, безталантныхъ министровъ и несчастныхъ генераловъ; какъ при умномъ и безнравственномъ Регентѣ и при слабомъ и холодномъ Лудовикѣ XV нападенія ея не прекратились; какъ наконецъ въ безмолвное время грознаго Наполеона она одна возвысила свой голосъ, и приводитъ въ примѣръ извѣстную пѣсню: *Le roi d'Ivetot*.

Il étoit un roi d'Ivetot,
 Peu connu dans l'histoire,
 Se levant tard, se couchant tôt,
 Passant le jour à boire,
 Et couronné par Jeanneton
 D'un simple bonnet de coton etc.

Признаюсь: врядъ ли кому могло войти въ голову, чтобъ эта пѣсня была сатира на Наполеона. Она очень мила (и чуть-ли не лучшая изо всѣхъ пѣсень хваленаго *Béganger*), но ужь конечно въ ней нѣтъ и тѣни оппозиціи.

ОТВѢТЪ Г. ВИЛЬМЕНА, НЕПРЕМѢННАГО СЕКРЕТАРЯ
 АКАДЕМІИ.

М. Г.!

Ваша рѣчь имѣла успѣхъ такой же, какъ и ваши комедіи; здѣсь встрѣчаютъ васъ тѣ-же рукоплесканія, которыя раздаются при вашемъ имени на всѣхъ театрахъ Франціи и почти всей Европы. Академія это предвидѣла: она была увѣрена, что избрать васъ было дѣломъ справедливости и народности. Во всѣхъ родахъ литературы всякая прочная слава даетъ право на Академическое званіе; никому не можетъ быть дозволено въ продолженіи 20 лѣтъ безнаказанно морить со смѣху публику.

Напрасно, М. Г., слѣдуя законамъ официальной скромности, вы бы стали унижать предъ нами постоянные ваши успѣхи, опираясь на легкую форму вашихъ сочиненій; все дѣло въ произведеніи вкуса не въ предметѣ и не въ формѣ—но въ талантѣ. Есть пѣсни, которыя гораздо лучше эпической поэмы. Знаменитый Академикъ, котораго вы теперь занимаете мѣсто и котораго вы такъ удачно характеризировали, послѣ великихъ трагическихъ произведеній отличился особенно своею оригинальностію въ эпиграммахъ, названныхъ имъ Баснею. Этотъ человекъ съ умомъ и талантомъ умѣлъ бы оцѣнить всю творческую силу, которая видна въ безчисленныхъ и разнообразныхъ вашихъ комическихъ произведеніяхъ. Онъ бы не

упрекнулъ васъ, ни за многихъ вашихъ сотрудниковъ, ни за многія прелестныя ваши произведенія, которыя принадлежатъ не вамъ одному, но которыя безъ васъ никогда бы не существовали. Арно зналъ, что вкусъ, который умѣетъ выбирать и совершенствовать, есть важная часть изобрѣтенія, что мысль вполнину принадлежитъ тому, кто умѣетъ придать ей настоящую цѣну. Онъ съ радостію-бы принялъ предложеннаго вами ему сотрудника—Наполеона, котораго краткую и страшную пѣстику вы такъ удачно изобразили.

Только пятый актъ *Венеціанцевъ* они создали вмѣстѣ. Если это сообщество не было дѣятельнѣе, то виною тому не генераль Бонапартъ, который въ первомъ жару молодости и славы, между побѣдой надъ Италіей, управленіемъ Франціей, завоеваніемъ Египта, занимался всѣмъ, думалъ обо всемъ вдругъ, и не зналъ, куда дѣваться съ своими мыслями и изобрѣтеніями въ ожиданіи Императорскаго престола. Арно привязался къ нему съ похода въ Италію, со времени трагедіи *Оскаръ*, которую послалъ онъ героическому обожателю Оссіана. Вскорѣ потомъ онъ принялъ участіе въ Египетской экспедиціи и послѣдовалъ за Кесаремъ въ Александрію. Во время переѣзда на адмиральскомъ кораблѣ *Востокъ*, который несъ въ себѣ столько ученыхъ и военныхъ знаменитостей, Арно безпрестанно бесѣдовалъ съ Генераломъ. Говорили о войнѣ, объ искусствахъ, о свободѣ, о завоеваніи всего свѣта, о литературѣ, о трагедіи. Бонапартъ часто возвращался къ этому послѣднему предмету, для котораго онъ составилъ себѣ цѣлую теорію. Политика, общественная польза—вотъ что по его мнѣнію могло быть единственными предметами трагедіи; гдѣ дѣло шло о любви, о сердечныхъ бореніяхъ, не исключая и *Зауры*, все это онъ причислялъ къ комедіи. Арно противился этимъ нововведеніямъ и однажды послѣ долгаго спора, когда Генераль сказалъ ему: „Какъ бы то ни было, но мнѣ хочется сочинить съ вами вмѣстѣ трагедію.“—Охотно, отвѣчалъ Арно,—тогда, когда мы сочинимъ вмѣстѣ планъ сраженія!—

Не смотря на эту короткость въ обращеніи, которой бы многіе позавидовали, несмотря на довѣрчивость счастливой звѣздѣ завоевателя, Арно не окончилъ путешествія. Долгъ службы задержалъ его въ Мальтѣ при началѣ завоеванія. Но онъ былъ изъ первыхъ между тѣми, которые призывали героя изъ Египта и приготавливали къ тому общее мнѣніе.

18-е Брюмера Арно находился при Бонапартѣ однимъ изъ ревностныхъ участниковъ военнаго переворота, который основалъ Имперію, и находился при немъ безъ всякихъ личныхъ расчетовъ. Литтераторъ въ полномъ смыслѣ слова, нѣсколько безпечный и гордый, Арно не заботился болѣе ни о своей будущности, ни о благо.

склонности своего покровителя. Сперва остался онъ въ Мальтѣ, а послѣ въ дали отъ политики и Императорскаго Двора принялъ на себя скромную и важную должность, гдѣ его вліяніе было всегда правосудно и благотѣтельно.

Свободные часы его были всѣ посвящаемы литтературѣ. Трагическій авторъ школы *Дюсиса* въ произведеніяхъ своихъ, онъ прибавилъ къ древнимъ формамъ новую степень ужаса, а иногда и простоты. Страстный обожатель Наполеона, онъ не воспѣвалъ его царствованія. Великіе Властители, потрясающіе сильно воображеніе народовъ, пробуждаютъ его у поэтовъ уже долго послѣ своей кончины. Одаренный умомъ колкимъ и насмѣшливымъ, способнымъ болѣе къ коварнымъ намекамъ басни, нежели къ панегирику, Арно выхвалялъ Наполеона **лишь** послѣ его паденія и то вѣрнымъ языкомъ исторіи. Его пристрастіе **было** благоговѣніе къ гению и къ несчастію; оно вдохнуло ему много краснорѣчивыхъ страницъ: онъ заплатилъ изгнаніемъ за право написать ихъ. Писатель мирный, врагъ всѣхъ общественныхъ переворотовъ, онъ былъ увлеченъ бурей, сокрушившей династію.

По этому случаю, въ продолженіе нѣкотораго времени, онъ могъ не принадлежать болѣе этой Академіи, гдѣ онъ имѣлъ столько правъ на свое мѣсто, и куда все его призывало. Онъ даже возвратился къ намъ при томъ правленіи, которое такъ несправедливо изгнало его. Во второй разъ услышалъ онъ здѣсь похвалы трудамъ, прославившимъ жизнь его, и таланту, которому никакая революція не могла дать отставки. Ему прочли тѣ стихи, которыми означенъ былъ первый день его изгнанія; и онъ нашелъ въ рукоплесканіяхъ и въ живомъ соучастіи публики сладкую награду своему благородному характеру.

Этотъ характеръ вмѣстѣ съ его славою далъ ему право на мѣсто, требовавшее довѣренности, которое опустѣло между нами послѣ умнаго и почтеннаго *Андріе*, мѣсто, которое требуетъ безкорыстной любви къ словесности, призываетъ иногда къ защитѣ ея достоинства и должно быть нераздѣльно соединено съ тѣми благородными чувствами, которыя она внушаетъ душѣ человѣка.

Какъ должны мы сожалѣть, что внезапная смерть прекратила эту жизнь въ полной ея силѣ и похитила Арно среди недоконченныхъ трудовъ его! Записки, писанныя имъ съ такимъ остроуміемъ и безпечностію, составляютъ любопытный памятникъ его старости, и могутъ выдержать эту неблагоприятную и грубую критику, которая всегда ожидаетъ послѣднихъ произведеній художника и поэта. Арно, какъ умный и нечестолюбивый зритель, замѣшанный въ движенія вѣка, не умѣлъ имъ пользоваться, но видѣлъ много

вещей и всегда умѣлъ оцѣнять ихъ съ тою сильною прямою совѣсти, отъ которой яснѣетъ самый расчетъ разума. Ни собственная выгода, ни политическія связи не имѣли вліянія на вѣрность его воспоминаній, на его нравственный инстинктъ. Нѣкоторыя несчастія прежней Королевской династіи, можетъ быть, нигдѣ не были описаны съ такимъ живымъ участіемъ, какъ въ книгѣ Арно, изгнаннаго изъ Франціи въ 1815 году.

Это происходило отъ того, что чувства справедливости были у него врожденными; и его строки хотя носятъ иногда печать современныхъ страстей, но дышатъ всегда откровенностію, которой нельзя не уважать.

Вы поняли и достойно оцѣнили талантъ вашего предшественника; но ваше поприще, М. Г., счастливое и легкое, не можетъ сравниться съ его поприщемъ. Вы, я знаю, уважаете музу науки, ученые труды, успѣхи, дорого купленные и добываемые съ боя. Вы все это знаете по слухамъ: для васъ Литтература съ молодости была рядомъ наслажденій, славою, богатствомъ. Это весьма рѣдкая участь, примѣръ опасный, быть можетъ; но его оправдываютъ вашъ талантъ и характеръ.

Не бойтесь, М. Г., я не буду долго останавливаться на этой счастливой участи; но позвольте мнѣ найти причину ея въ вопросѣ болѣе общемъ, который вы сей часъ предложили себѣ и разрѣшили умно и удачно, но можетъ быть, не совсѣмъ справедливо. Тайна вашихъ постоянныхъ успѣховъ заключается, я думаю, въ томъ, что вы счастливо разгадали духъ нашего вѣка; вы создали родъ комедіи, съ которою онъ хорошо сроднился, которая походитъ на него, комедію живую, развязную, быструю; не обширную изящную картину, которую изучить намъ не достаетъ времени, а рядъ портретовъ выразительныхъ, которые блеснутъ, исчезнутъ, но не забываются. И такъ, не раздѣляя мнѣнія, которое вы поддерживаете, не думая, подобно вамъ, что театръ по существу своему долженъ быть въ противорѣчій съ нравами, противоположнымъ полюсомъ общества, что онъ не долженъ походить на публику, чтобы нравиться публикѣ, я, признаюсь вамъ, придерживаюсь втораго мнѣнія и могу опровергнуть ваши доказательства вашими же комедіями.

Безъ сомнѣнія, одна комедія не составляетъ полной исторіи народа; но она объясняетъ, пополняетъ эту исторію. Она ничего не говоритъ о политическихъ произшествіяхъ, по крайней мѣрѣ со временъ Аристофана (или, если хотите, со временъ Бертрана и Ратона), но она свидѣтельница духа и нравовъ народа, у котораго родились эти произшествія. Не называя никого по имени, она пишетъ лѣтопись каждаго. Узнали ли бѣ вы совершенно вѣкъ Лудо-

вика XIV безъ Мольера? Знали ли бы вы, что былъ тогда дворъ, городъ и особенно Тартюфъ? Нѣтъ ни одной пьесы Мольера, не исключая и фантастической драмы Донъ Жуана, которая бы не показала вамъ какой нибудь любопытной стороны народнаго духа въ XVII столѣтіи, не дала бы вамъ понятія о движеніи въ нравахъ и не открыла бы вамъ броженія мнѣній при мнимой тишинѣ этой величественной эпохи?

Въ послѣдствіи, М. Г., эта мелочная, жеманная драма Дората, Лану, и даже Мариво, котораго вы уже слишкомъ смѣшиваете съ ними, увѣрены ли вы, что она въ сильной противоположности съ своимъ временемъ? XVIII-е столѣтіе, столь полное настоящимъ и будущимъ, выражаясь вашими словами, XVIII-е столѣтіе не походило ли въ праздности высшихъ классовъ, въ злоупотребленіяхъ ума, въ утонченномъ развратѣ нравовъ на натянутую драму, которой оно рукоплескало? И даже не найдемъ ли мы и въ другихъ комедіяхъ того времени, еще болѣе слабыхъ, вѣрнаго изображенія нравовъ, и можетъ быть достойнаго наблюденій Историковъ? Что же касается до хорошихъ комедій той же эпохи, то они говорятъ много, и даже слишкомъ много; напримѣръ, Свадьба Фигаро есть безцѣнное свидѣніе для исторіи.

Я боюсь, М. Г., слѣдуя за вами далѣе, броситься ради комедій въ лѣтописи нашей революціи: но и въ ту эпоху, этотъ сантиментальный наборъ словъ, это идолопоклонство *старости, добродѣтели, дѣтству*, выводимое на театрѣ во время политическихъ ужасовъ, не было ли также чертою нравовъ? Тотъ же самый наглый обманъ не повторялся ли въ рѣчахъ трибуны и въ программахъ народныхъ праздниковъ, гдѣ священныя слова человѣчества смѣшивались съ гнусными преступленіями; — это были проповѣди и гимны новой *Лиги*.

Мнѣ кажется, М. Г., что театръ, хорошъ ли онъ или дуренъ, естественъ ли онъ, или натянуть, всегда, какъ прежде говорили и доказывали, театръ есть драгоценный свидѣтель для исторіи нравовъ и мнѣній.

Въ нравахъ народа заключены его предрасудки, его воспоминанія, его сожалѣнія; для этого онъ иногда ходитъ въ театръ искать того, что не выражаетъ настоящаго его положенія, но говоритъ ему о томъ, чего онъ желаетъ, или что имъ потеряно. И потому я скажу, М. Г., пользуясь вашимъ же примѣромъ: если въ мирныя времена *возстановленія* ваши отставные полковники, ваши заслуженные храбрые солдаты были въ такой милости у публики, то не отъ того, что эта картина противорѣчила духу времени; но напротивъ потому что льстила ему, лаская обиженное народное само-

любіе; проницательный политикъ могъ бы открыть въ этихъ представленіяхъ, принимаемыхъ толпою съ восторгомъ, страсть не потушенную въ теченіи 15 лѣтъ, и вдругъ вспыхнувшую.

Да, М. Г.! въ вашихъ же произведеніяхъ можно найти эту современную точность, которую вы, отнявъ у комедіи, присвоили одной Пѣснѣ, и сдѣлать васъ Историкомъ противъ вашей воли. Впрочемъ въ этомъ дѣлѣ вы приняли всѣ возможные предосторожности: вы соединили Пѣсню съ Комедіей, и что ни говори о вашей литературной теоріи,—со всѣхъ сторонъ васъ ожидаютъ рукоплесканія.

Я признаюсь, что эта теорія дѣлается весьма правдоподобною въ послѣднихъ примѣрахъ вами приведенныхъ. Въ нашихъ глазахъ, почти въ то самое мгновеніе, когда я говорю, исчезло было это отношеніе, это сходство театра съ публикою, или лучше сказать, казалось, что одинъ изъ нихъ хотѣлъ быть развратителемъ другаго. Но въ этомъ отзывѣ общественному перевороту, въ этомъ безплодномъ броженіи возмутительныхъ головъ, нѣтъ ли чего такого, чѣмъ бы можно было изъяснить эту потребность сильныхъ потрясеній, столь противоположную нашимъ семейственнымъ правамъ, эту потребность, рѣдко удовлетворенную на театрѣ и которая бы уничтожилась сама собою, скукою публики, даже безъ пособія цензуры? Вы сами, Милостивый Государь, можете судить лучше другихъ объ этомъ, вы не заражены эпидеміею преувеличенія, этой страстью къ ложному, вы умѣете на свободѣ соединять остроуміе съ здравымъ смысломъ, и не нуждаетесь въ неблагопристойныхъ сценахъ для драматическаго эффека.

Долгіе успѣхи научили васъ этому трудному искусству, отъ котораго вы рѣдко отступали, не смотря на огромное количество пьесъ, писанныхъ наскоро. Аристократъ Буало говорилъ:

Il faut, même en chanson, du bon sens et de l'art.

Этотъ совѣтъ, хотя, кажется, можетъ быть ненужнымъ и лишнимъ въ наше время, но тѣмъ не менѣе можетъ быть примѣненъ съ точностію ко всѣмъ родамъ пѣсни на нашихъ театрахъ. Ни легкость предмета, ни свобода формы, ни шалость ума, никогда не могутъ избавить автора отъ этихъ двухъ старинныхъ условій, требуемыхъ Буало: *здраваго смысла и изящества*; и если бы даже они перестали быть принадлежностію большихъ произведеній, то все бы надо было требовать ихъ соблюденія отъ водевиля и комической оперы.

Такъ въ прошедшемъ столѣтіи человекъ съ необработаннымъ талантомъ, Седенъ, съ помощію здраваго смысла и искусства нашель новое мѣсто на нашихъ театрахъ и оставилъ незабытыя

произведенія. Вамъ, М. Г., приготовленному съ раннихъ дней изученіемъ литературы, вамъ предстояло менѣе усилій и затрудненій. Къ той оригинальности, безъ которой ни одинъ писатель не можетъ занять сильно публики, вы присоединили изученіе хорошихъ образцовъ; ваши первыя произведенія, по видимому, импровизированныя посреди юной, безпечной веселости, всегда носили на себѣ отпечатокъ искусства и были написаны съ такою же быстротою, какъ и со тщаніемъ.

Вы ограничивали вашъ талантъ тѣсною и легкою рамкою. Оригинальные характеры, свѣжія, дѣвственныя представленія нравовъ—уже были похищены у васъ прежними мастерами. Бросая наблюдательный взглядъ на наше общество, вы не нашли въ немъ уже тѣхъ рѣзкихъ образовъ, той борьбы между состояніями, того особеннаго характера разныхъ классовъ, столь удобныхъ для высшей комедіи; и не смотря на счастливые примѣры, вы не рѣшились испытать свою силу въ этой изящной сферѣ искусства. Васъ прельщала успѣхъ болѣе легкой и скорый. вмѣсто того, чтобъ сосредоточить вашу комическую силу на какомъ нибудь предметѣ, требующемъ долгаго размышленія, вы раздробили ее на тысячу мелкихъ блистательныхъ очерковъ, возобновили ту изобрѣтательную плодovitость Испанскихъ поэтовъ, которыхъ произведенія и успѣхи считались сотнями. Посреди общества, подведеннаго подъ одинъ и тотъ же уровень, но общества дѣятельнаго, безпокойнаго, вы переносили на сцену его мнѣнія, моды, причуды по мѣрѣ того, какъ онѣ появлялись предъ вами.

Когда трудно было прямо ухватиться за минутную истину, вы часто искусно добирались до ней со стороны; для этого брали, вмѣсто главной черты, мелочныя оттѣнки и умѣли заставлять публику рукоплескать даже и тому, о чемъ вы молчали. Многія мелкія пьесы Мольера цѣнятся знатоками наравнѣ съ его большими произведеніями. Вы умѣли быть оригинальнымъ, подражая этимъ небольшимъ пьескамъ; и часто воспоминаніе или противоположная сторона какой-либо мысли великаго поэта подавали вамъ средство написать цѣлую новую пьесу.

Но особенно въ наше время, подъ Парижскимъ горизонтомъ, въ его шумной жизни, въ его дѣлахъ и удовольствіяхъ на биржѣ, въ литературѣ, вокругъ себя, въ происшествіяхъ вчерашняго вечера, вы умѣли схватить предметы и освятить ихъ вдохновеніемъ. Вашъ театръ приблизился къ тѣмъ *Пословицамъ* гостинныхъ, гдѣ общество обрисовываетъ само себя, и говоритъ своимъ ежедневнымъ языкомъ. Но, пока вы писали подъ диктовку публики, возвращая ей, что она вамъ давала, сколько удачныхъ и остроумныхъ картинъ, сколько

быстрыхъ и живыхъ разговоровъ обличали ваше участіе въ этой общей работѣ.

Вотъ причина, М. Г., почему ваши пьесы забавляютъ всю Францію, переходятъ за границу и тамъ переведенныя, передѣланныя, сокращенныя, увеличенныя, по вкусу разныхъ народовъ, поддерживаютъ всѣ театры отъ Юга до Сѣвера. Вездѣ хохотали, вездѣ съ жадностію хватались за ваши произведенія. Это служитъ доказательствомъ, что не костюмъ и минутные намеки составляютъ главное въ этихъ совершенно Парижскихъ пьесахъ,—но что въ нихъ много истины и много веселости обще-человѣческой.

Мнѣ помнится, одинъ знаменитый Нѣмецкій критикъ, слишкомъ строгій къ нашимъ классическимъ поэтамъ, можетъ быть, умомъ и знаніемъ завлеченный въ невольный парадоксъ, предпочиталъ въ полномъ смыслѣ *Просителя—Мизантропу*. Я увѣренъ, что вы сами несогласны съ этимъ мнѣніемъ; но заблужденіе, въ которое вы ввели такого критика своею остроумною комедіею, служитъ новымъ доказательствомъ въ вашу пользу; такое заблужденіе было бы невозможно, если бы не было много ума и много жизни въ этихъ легкихъ сценахъ, которыя не только играютъ, но на которыя пишутъ комментаріи за границей. Не повторяя словъ критика, я не могу однако же не обратить вниманія на особенное искусство, съ которымъ ведены ваши важнѣйшія пьесы, на быстрое и свободное движеніе вашей драмы, на вѣрность производимыхъ ею впечатлѣній (хотя разговоръ и бываетъ иногда слишкомъ украшенъ или слишкомъ мелоченъ), на вашу тайну обрисовывать предметъ во всѣхъ возможныхъ видахъ, на вашъ разговорный слогъ, то граціозный, то простой, то трогательный и всегда остроумный.

Какое разстояніе отъ *Дипломата* до *Valeriu*, отъ *l'Interieur d'un Bureau* до *Michel et Christine!* Какое разнообразіе, иногда какое остроумное нравоученіе, въ многочисленныхъ пьесахъ, на предметъ профанированный стариннымъ театромъ: на бракъ! Одна изъ нихъ, *Женидѣба по рацету* (*le Mariage d'argent*), есть настоящая комедія въ пяти актахъ, безъ куплетовъ, безъ *сотрудниковъ*, поддерживаемая драматическою цѣлостію, единствомъ характеровъ, истинною разговоромъ, силою оставляемаго ею въ душѣ впечатлѣнія. Проза не вредитъ этому творенію, также какъ и прекраснымъ комедіямъ Лесажа и Пикара.

Не надобно спрашивать, М. Г., зачѣмъ вы не пытались чаще возобновлять эту высшую комедію, которая такъ удалась вамъ; у васъ не было недостатка ни въ талантѣ, ни въ источникахъ смѣшнаго. Даже это поприще разширилось при дѣйствіи нашихъ общественныхъ переворотовъ, и вамъ было возможно испытать свои

силы надъ политическою комедіею, этою крайнею вольностію театральнаго искусства. Между большимъ числомъ вашихъ успѣховъ замѣчательны *Bertrand et Raton*, сколько по новости предмета, столько и по истинѣ подробностей. Эта пьеса сама собою имѣла достоинство случайное, оцѣненное публикою, для которой потребность порядка было чувствомъ народнымъ. Она осмѣивала мятежъ и живо изображала, какое искусственное волненіе и какія мелочныя причины могутъ иногда возмущать спокойствіе Государства.

Впрочемъ, М. Г., это поприще политической комедіи, на которомъ вы сдѣлали нѣсколько шаговъ, скоро закрылось, и вы объ этомъ не сожалѣете. Вашему таланту остроумному и разнообразному не нужно отыскивать смѣшное въ раздорахъ партій; вы и безъ этого средства умѣете возбудить вниманіе и покупать побѣду. Вы еще молоды: публика ожидаетъ отъ васъ многого. Обратится ли вашъ талантъ къ успѣхамъ болѣе рѣдкимъ, или возобновитъ прежніе, Академія во всякомъ случаѣ не будетъ сожалѣть о своемъ выборѣ. Ибо честь и жизнь Литтературнаго общества тогда только возможны, когда оно привлекаетъ къ себѣ всѣ роды знаменитостей, узаконенныхъ публикою. Это различныя формы, въ которыхъ является состояніе искусства въ какой либо націи. Не всѣ приходятъ вдругъ и не всякой принимаетъ въ этомъ дѣлѣ одинаковое съ другими участіе; строгому вкусу, глубокой учености должно быть мѣсто возлѣ смѣлаго таланта; возлѣ людей, посвятившихъ себя Словесности для самой Словесности, должны быть люди, для которыхъ оно лишь средство дѣйствія на трибунѣ, въ судѣ и въ театрѣ. Всѣ эти различные роды соприкасаются одинъ къ другому и соединяются: сіе-то самое смѣшеніе и составляетъ характеръ Академіи. Каждая наша потеря, какъ и всякій нашъ выборъ, болѣе и болѣе утверждаютъ насъ въ этой мысли. Нѣкогда изъ среды насъ былъ похищенъ ораторъ, котораго важное, возвышенное слово, громко прозвучавъ въ національныхъ собраніяхъ, тихо раздавалось въ нашихъ мирныхъ бесѣдахъ. Мужъ доблестный и краснорѣчивый, сохранившій всеобщее уваженіе и въ отдаленіи отъ дѣлъ, и даже при кормилѣ правленія. Кто возвратитъ намъ Лене*?

По крайней мѣрѣ да огласятся эти стѣны нашимъ сѣтованіемъ и да простятъ намъ, что мы поспѣшили воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы гласно принести дань нашего благоговѣнія на его смиренную и еще свѣжую могилу.

---

* Французская академія на мѣсто умершаго Лене выбрала г. Дюпати, мимо представлявшихся кандидатами Балланша, Виктора Гюго и Моле. Академія имѣла на то, вѣроятно ей извѣстныя, причины. Мы же не знаемъ, что такое г. Дюпати.

Безъ особенной натяжки мы можемъ назвать эту статью Пушкина „неизданной“¹⁾, потому что, если она была въ свое время напечатана, не кѣмъ инымъ, какъ самимъ авторомъ, и воспроизводится здѣсь (со всею стилистической и орфографической точностью и лишь съ исправленіемъ нѣсколькихъ явныхъ опечатокъ) съ печатнаго подлинника, то все-же мы имѣемъ право оставить за нею покуда этотъ эпитетъ, такъ какъ ея не только нѣтъ ни въ одномъ собраніи сочиненій великаго писателя, ея не только не знаетъ читатель, съ поля зрѣнія котораго она исчезла три четверти вѣка тому назадъ, но даже ученые спеціалисты, издатели, критики и біографы, не останавливались на ней. Если мы должны, по справедливому слову Бѣлинскаго, дорожить „каждой строкой“ Пушкина, то тѣмъ болѣе интереса для литературы представляетъ цѣлая статья, въ особенности принадлежащая самой зрѣлой порѣ его мышленія и творчества. Помимо общей цѣнности, которую представляетъ собою она, какъ произведеніе пушкинскаго пера, она хранитъ слѣды геніальной мысли и творческой работы. Извлекаемъ ее изъ пушкинскаго „Современника“, гдѣ она была помѣщена.

„Когда дѣло идетъ о такомъ писателѣ, какъ Пушкинъ“,—писалъ Бѣлинскій²⁾ по поводу выхода въ свѣтъ трехъ послѣднихъ, IX, X и XI, томовъ посмертнаго изданія его сочиненій—„тогда мелочей нѣтъ, а все, въ чемъ видно даже простое его мнѣніе о чемъ бы то ни было, важно и любопытно: даже самыя ошибочныя понятія Пушкина интереснѣе и поучительнѣе самыхъ несомнѣнныхъ истинъ многихъ тысячъ людей“. Указывая нѣсколько невошедшихъ въ это изданіе статей Пушкина, первоначально помѣщенныхъ въ разныхъ журналахъ и сборникахъ, Бѣлинскій замѣтилъ: „мы не можемъ исчислить ихъ всѣ до одной безошибочно, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ были напечатаны безъ имени автора и составляютъ тайну издателей журналовъ, въ которыхъ были помѣщены“. „Мы желали бы“,—продолжаетъ Бѣлинскій,—„чтобъ не пропала ни одна строка Пушкина, и чтобъ люди, которыхъ онъ называлъ своими друзьями, или съ которыми онъ дѣйствовалъ въ однихъ журналахъ, или у которыхъ въ изданіяхъ когда-либо и что-либо помѣщалъ,—объявили о каждой строкѣ, каждомъ словѣ, ему принадлежащемъ... Мы не думаемъ, чтобъ, кромѣ пропущенныхъ двухъ статей изъ „Современника“, подписанныхъ именемъ Пушкина³⁾, не было въ

¹⁾ Отрывки изъ нея мы напечатали въ № 208 „Рѣчи“ с. г.

²⁾ „Отечеств. Записки“ 1841 г., т. XVII, № 8, Библиографическая хроника, стр. 34—35.

³⁾ Бѣлинскій говорилъ о нихъ выше.

этомъ изданіи и другихъ статей, принадлежащихъ Пушкину. Такъ, наприм., въ „Современникѣ“ статьи: „Разборъ сочиненій Георгія Конискаго“, „Вольтеръ“, „Отрывокъ изъ неизданныхъ записокъ дамы“ не подписаны именемъ Пушкина, а послѣдняя даже означена *переводъ съ французскаго*,—между тѣмъ всѣ онѣ вошли въ полное собраніе сочиненій Пушкина; почему же не Пушкину принадлежать статьи—въ 1-мъ томѣ „Современника“: „Россійская Академія“, „Французская Академія“? ¹⁾ Не нашлось рукописей?—Но неужели же нѣтъ другихъ свидѣтельствъ, и всѣ статьи Пушкина, которыя были напечатаны безъ его имени и которыхъ рукописи затеряны, должны пропасть?...

Никто изъ тѣхъ лицъ, къ которымъ критикъ обратилъ свое воззваніе, не откликнулся въ печати, несмотря на то, что неполнота и небрежность редакціи посмертнаго изданія были отмѣчены не однимъ Бѣлинскимъ. Лишь Анненковъ пятнадцать лѣтъ спустя, работая надъ своимъ изданіемъ сочиненій Пушкина, расширилъ отдѣлъ его журнальныхъ статей и замѣтокъ ²⁾, но и онъ не располагалъ точными свѣдѣніями о нихъ, такъ какъ въ первомъ томѣ („Матеріалы для біографіи“) приписалъ Пушкину двѣ рецензіи, напечатанныя въ „Современникѣ“ Гоголемъ ³⁾. Изъ заинтересовавшихъ Бѣлинскаго статей въ анненковское изданіе вошла только первая, „Россійская Академія“. Внимательнѣе оказался трудолюбивый и точный С. А. Венгеровъ, который въ примѣчаніяхъ къ цитированному мѣсту рецензіи Бѣлинскаго ⁴⁾ обнаружилъ знакомство съ другой указываемой имъ статьею и призналъ, что „судя по увѣренному тону и кое-какимъ блесткамъ, она, можетъ быть, принадлежитъ Пушкину“. Послѣ выхода шестого тома комментированнаго Венгеровымъ собранія сочиненій Бѣлинскаго появились два капитальныя изданія сочиненій Пушкина, редактированныя П. А. Ефремовымъ и П. О. Морозовымъ, но оба они не замѣтили ни указанія Бѣлинскаго, ни комментарія Венгерова и, держась рутины, не обратились къ общему пересмотру

¹⁾ Бѣлинскій упоминалъ о ней вскользь и раньше („Молва“ 1836 г., № 13; Сочин. Б., изд. Венгерова, III, 62—63) и не совсѣмъ вѣрно (см. примѣч. Венгерова, стр. 508) обвинилъ Вяземскаго, что онъ, „соблазвившись мыслию Скриба, что въ литературѣ (?) всегда отражается прошедшее, а не настоящее состояніе общества, такъ восхитился ею, что уцѣпилъ за нее обѣими руками, теревитъ ее такъ и сякъ и прилагаетъ кстатѣ и некстатѣ къ русской литературѣ“ (въ помещенномъ въ томъ же томѣ „Современника“ разборѣ „Ревизора“).

²⁾ См. т. V, стр. 635—636.

³⁾ Стр. 416—417, 418; во второмъ изданіи „Матеріаловъ“, 1873 г., эта ошибка осталась неисправленной.

⁴⁾ См. его изданіе сочин. Бѣлинскаго, VI, 597.

матеріала, предоставляемаго журналистикой пушкинской эпохи и въ частности его „Современникомъ“. Вопросъ о статьѣ „Французская Академія“ ихъ не заинтересовалъ. О ней упомянулъ вскользь, какъ о принадлежащей Пушкину, Н. Янчукъ ¹⁾, но его немотивированное мнѣніе лишено значенія потому, что онъ приписалъ Пушкину огуломъ всѣ анонимныя статьи о литературѣ, помѣщенныя въ „Современникѣ“, въ томъ числѣ известную статью Гоголя „О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 году“. Подошелъ къ разрѣшенію вопроса, и при томъ почти удовлетворительному, И. А. Шляпкинъ, около того же времени (1903 г.) выпустившій интересный сборникъ матеріаловъ: „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина“ и по поводу находящихся въ нихъ упоминаній объ этой статьѣ писавшій: „Мы считаемъ эту статью составленною Пушкинымъ и Одоевскимъ“ ²⁾.

Она посвящена, какъ мы видѣли, описанію засѣданія Французской Академіи, въ которомъ былъ торжественно принятъ въ „бессмертныя“ Скрибъ, и состоитъ изъ трехъ частей: вступительной рѣчи Скриба, отвѣта ему, произнесеннаго постояннымъ секретаремъ академіи Вильменомъ, и вступленія и отдѣльных замѣчаній, принадлежащихъ Пушкину. Въ изданныхъ г. Шляпкинымъ матеріалахъ была напечатана ³⁾ записка къ Пушкину помогавшаго ему въ работахъ по „Современнику“ князя В. Ѳ. Одоевскаго, относящаяся къ веснѣ 1836 г.: „переводчикъ нашъ занемогъ, и отъ того Вильменова рѣчь опоздала. Я только вчера вечеромъ и получилъ ее. Начало я исправлялъ еще прежде, и отъ того первые листы переписаны, но за слѣдующіе извините, что перемараны жестоко; несмотря на это, вы просмотрите еще разъ“. Судя по выраженію: „Вильменова рѣчь“, можно думать, что постороннимъ переводчикомъ былъ переведенъ только отвѣтъ Вильмена, безъ рѣчи Скриба; во всякомъ случаѣ, нельзя сомнѣваться, что редакторскій карандашъ Пушкина прошелся по переводу, такимъ образомъ, „авторизованному“ имъ. Во вступленіи упоминаются ⁴⁾ стихи Дениса Давыдова, посвященное ему французскимъ поэтомъ Арно посланіе и отзывъ Арно о немъ. Прочитавъ статью, Давыдовъ писалъ Пушкину 10 августа 1836 г. ⁵⁾: „Ты по шерсти погладилъ самолюбіе мое, отыскавъ Богъ знаетъ гдѣ и прозу, и стихи Арно, о которыхъ я и знать не зналъ“.

¹⁾ „Литературныя замѣтки“—„Извѣстія Отд. русс. яз. и словесн. Импер. Акад. Наукъ“, т. XII, кн. 4, стр. 229.

²⁾ Назван. книга, стр. 269.

³⁾ Тамъ же, стр. 240.

⁴⁾ См. ниже.

⁵⁾ Это письмо также напечатано г. Шляпкинымъ, стр. 267.

Такимъ образомъ, современникъ и близкій Пушкину человекъ, при томъ лично заинтересованный въ данной статьѣ, прямо удостовѣряетъ принадлежность ея Пушкину. Впрочемъ, за это ручается самое содержаніе статьи, къ которому и обращаемся.

„Французская Академія“ напечатана во второмъ томѣ „Современника“¹⁾, стр. 14—52, непосредственно за пушкинской же статьёю „Россійская Академія“, которой составляетъ въ нѣкоторомъ родѣ pendant. Въ ней нельзя не узнать языка Пушкина, его простого, нѣсколько суроваго прозаическаго стиля, его духа, его возрѣній. Онъ говорилъ „кресла“, а не „кресло“: въ „Пирѣ во время чумы“ читаемъ: „его здѣсь кресла стоятъ пустыя“. Такъ же онъ иногда говорилъ не „титულъ“, а по-старинному—„титло“: „его титло—спаситель Россіи“, писалъ онъ о Кутузовѣ-Смоленскомъ²⁾; „здѣсь крестьяне величаютъ господъ титломъ ваше здоровье;—титло завидное, безъ коего всѣ прочія ничего не значать“³⁾. Слова: „нашъ боецъ чернокудрявый съ бѣлымъ локономъ на лбу“—изъ посланія Н. М. Языкова къ Денису Давыдову. „Посланіе къ Давыдову—преlestь!“—писалъ Языкову Пушкинъ⁴⁾ и шутилъ: „нашъ боецъ чернокудрявый окрасилъ было свою сѣдину, замазалъ и свой бѣлый локонъ, но послѣ вашихъ стиховъ опять его вымылъ—и правъ. Это знакъ благоговѣнія къ поэзіи“. (У Давыдова среди черныхъ волосъ выдѣлялся сѣдой локонъ, которымъ этотъ хвастливый человекъ изрядно кокетничалъ, называя его „la flamme du génie“). Незадолго до того⁵⁾ Пушкинъ написалъ Давыдову посланіе, начинающееся точнымъ переводомъ перваго стиха пьесы, которую посвятилъ ему Арно: „Тебѣ, пѣвцу, тебѣ, герою!“ Переводъ этой пьесы, принадлежащій Ипсиланти, былъ извѣстенъ Пушкину по имѣвшейся у него⁶⁾ книгѣ Александра Суццо „Histoire de la révolution grècque“⁷⁾, гдѣ онъ напечатанъ въ подлинникѣ; это собственно не переводъ, а вольное подражаніе, гдѣ „изсохшій листокъ“ замѣненъ „одинокой птичкой“, „mikrò rouláki“; переводъ Давыдова ближе къ подлиннику⁸⁾, вполне хорошъ переводъ Жуковскаго. Литераторъ pur sang

¹⁾ Цензурное разрѣшеніе помѣчено 30 іюня 1836 г.

²⁾ „Объясненіе“—„Современникъ“, т. IV, стр. 295.

³⁾ Письмо 5 ноября 1830 г. изъ Болдина къ кн. П. А. Вяземскому.

⁴⁾ 14 апрѣля 1836 г.

⁵⁾ 18 января. Напечат. въ „Современникѣ“, т. V, 1837 г., стр. 313.

⁶⁾ См. „Пушкинъ и его современники“, IX—X, 340.

⁷⁾ Paris, 1829, pp. 34—36.

⁸⁾ „Жалѣю“,—писалъ Пушкину Давыдовъ (цитиров. письмо 10 августа),— „что переводъ мой не достоинъ благосклонности и мадригала покойнаго

чувствуется въ приведенныхъ строкахъ Пушкина. Мало-мальски внимательный наблюдатель сразу подмѣчалъ въ немъ черты человѣка литературной профессіи; сидя въ театрѣ, онъ—разсказываетъ графъ В. А. Сологубъ ¹⁾—„слушалъ съ тѣмъ особеннымъ вниманіемъ, съ какимъ слушаютъ только, что называютъ французы, „les gens du métier“, то есть люди сами пишущіе“. Понятны благородныя чувства горечи и достоинства, съ которыми говоритъ онъ о поэтахъ, пишущихъ не по вдохновенію, „не для себя“, а стараясь угодить публикѣ. „Ни одинъ изъ французскихъ поэтовъ“—писалъ Пушкинъ однажды ²⁾—„не дерзнулъ быть самобытнымъ, ни одинъ, подобно Мильтону, не отрекся отъ современной славы“. Нашъ поэтъ, который столько работалъ „для себя“ и для свѣтлаго будущаго родной литературы, испыталъ, что значить не угодить публикѣ,—и она въ послѣдніе годы его жизни твердила на тысячу ладовъ, что Пушкинъ исписался, выдохся, и превозносила Бенедиктовыхъ и Сенковскихъ.

Для живо интересовавшагося литературной жизнью Франціи Пушкина, въ библіотекѣ котораго имѣлись и Скрибъ, и Арно, и Вильмень, и Жюль Жаненъ ³⁾, рѣчи Скриба и Вильмена, въ которыхъ, какъ мы пытаемся показать ниже, онъ увидѣлъ совпаденіе съ нѣкоторыми собственными взглядами, были явленіемъ, стоящимъ вниманія; была у него и другая, затаенная цѣль, заставившая его вслѣдъ за отчетомъ о недавнемъ засѣданіи Россійской Академіи помѣстить статью о Французской Академіи. Нужно замѣтить, что мнѣніе его о французской художественной литературѣ никогда не было особенно лестнымъ для нея, и еще въ примѣчаніяхъ къ первой главѣ „Онѣгина“ ⁴⁾ онъ не безъ сочувствія писалъ, что въ балетахъ Дидло „одинъ изъ нашихъ романтическихъ писателей находилъ гораздо болѣе поэзіи, чѣмъ во всей французской литературѣ“. Иногда противорѣча себѣ самому въ нѣкоторыхъ частностяхъ, онъ въ своихъ статьяхъ, рецензіяхъ, письмахъ и бесѣдахъ высказывалъ общіе взгляды, весьма неблагопріятные для французской литературы, считалъ пагубнымъ вліяніе ея на русское общество и русскую

академика. Этотъ переводъ ужасно плохъ, такъ плохъ, что въ изданіи стихотвореній моихъ я не смѣлъ его помѣстить“. Онъ напечатанъ, съ приведеннымъ Пушкинымъ французскимъ примѣчаніемъ, въ „Сочиненіяхъ Д. В. Давыдова“, ч. III, М., 1860, стр. 203.

¹⁾ „Воспомнанія“, СПб., 1887, стр. 115.

²⁾ Сочин., изд. литерат. фонда, V, 247.

³⁾ См. „Пушкинъ и его современники“, IX—X, 144, 189, 258, 333, 334, 359.

⁴⁾ Изд. 1825 г., стр. 52.

литературу, осуждая ея „отвратительную подлость“¹⁾, лежащую на ней печать „отвратительной власти демокраціи“²⁾, ея „глубокій и жалкій упадокъ“³⁾. Отдавая вполнѣ справедливо преимущество французской прозѣ передъ поэзіей, Пушкинъ, однако, не умѣлъ оцѣнить значеніе народившагося на его глазахъ французскаго соціального романа, въ которомъ усматривалъ этическую и даже политическую опасность, и въ своихъ рѣзкихъ заключеніяхъ вообще заходилъ далеко. Но въ началѣ 1836 г. дѣйствительность показала ему воочию неправоту его взглядовъ въ ихъ послѣдовательной deductio ad absurdum. Въ томъ самомъ засѣданіи Россійской Академіи, отчетъ о которомъ въ „Современникѣ“ предшествуетъ „Французской Академіи“, Пушкину пришлось услышать рѣчь М. Е. Лобанова „О духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной“. Она поразила его, и онъ въ своемъ отчетѣ⁴⁾ писалъ: „Мнѣніе сіе заслуживаетъ особеннаго разбора какъ по своей сущности, такъ и по важности мѣста, гдѣ оно было произнесено“. Въ слѣдующемъ же томѣ⁵⁾ онъ исполнилъ свое обѣщаніе, обстоятельно разобралъ „мнѣніе“ Лобанова и выдвинулъ противъ него свои возраженія. Встревоженный чрезмѣрнымъ вліяніемъ французской литературы на русскую, Лобановъ „не безъ содроганія“ констатировалъ, что „есть и въ нашей словесности нѣкоторый отголосокъ безнравія и нелѣпостей, порожденныхъ иностранными писателями“, и взывалъ: „ужели жизнь и кровавыя дѣла разбойниковъ, палачей и имъ подобныхъ, наводняющихъ нынѣ словесность въ повѣстяхъ, романахъ, въ стихахъ и прозѣ, и питающихъ одно только любопытство, представляются въ образецъ для подражанія?“ и т. под. Эта сильная тирада должна была напомнить Пушкину его собственныя слова, написанныя нѣсколько лѣтъ назадъ, когда онъ, проклиная, по поводу появленія записокъ палача Самсона, „безнравственную жажду новизны и сильныхъ ощущеній“, восклицалъ: „Явилась толпа людей темныхъ съ позорными своими сказаніями... Журналы наполнились выписками изъ Видока. Поэтъ Гюго не постыдился въ немъ искать вдохновеній для романа, исполненнаго огня и грязи“⁶⁾. А вскорѣ Пушкинъ еще

¹⁾ Переписка Пушкина, академич. изд., II, 389.

²⁾ Начало рецензіи на „Исторію поэзіи“ Шевырева—Сочин. Пушкина, изд. литерат. фонда, V, 286.

³⁾ Предисловіе къ „Пѣснямъ западныхъ славянъ“—„Стихотворенія Александра Пушкина“, ч. IV, стр. 108.

⁴⁾ „Современникъ“, т. II, стр. 12.

⁵⁾ III, стр. 94—106.

⁶⁾ „Литературная Газета“ 1830 г., № 5, стр. 39.

рѣзче возставалъ противъ этого „крайняго оскорбленія общественнаго приличія“ и спрашивалъ: „не должна ли гражданская власть обратить мудрое вниманіе на соблазнъ новаго рода, совершенно ускользнувшій отъ предусмотрѣнія законодательства?“¹⁾ Лобановъ, ругательски ругая Жюль Жанена, Евгенія Сю и другихъ французскихъ писателей, увѣрялъ, что французамъ „самыя отвратительныя зрѣлища не кажутся таковыми, самыя разрушительныя мысли для нихъ не столь заразительны, ибо они давно ознакомились и, такъ сказать, срослись съ ними въ ужасахъ революціи“. При всей своей дикости это былъ вѣрный выводъ изъ предпосылки (о „безнравственности“ французской литературы), въ которой Пушкинъ долженъ былъ узнать отголосокъ того убѣжденія, возникновенію котораго помогалъ онъ самъ. Возражая Лобанову особенно мягко, по разнымъ причинамъ, изъ которыхъ главныя—цензурныя и политическія опасенія, а второстепенная—необходимость съ тактической осторожностью отказаться отъ доли своего прежняго мнѣнія, Пушкинъ спрашивалъ: „можно ли на цѣлый народъ изрекать такую страшную анаѳему?“—на „народъ, который произвелъ Фенелона, Расина, Боссюэта, Паскаля и Монтескье... народъ, который оказываетъ столь сильное религіозное стремленіе“... Во всякомъ случаѣ, Лобановъ, находилъ Пушкинъ, преувеличилъ опасность отъ вліянія французовъ на современную русскую прозу, для которой „Лесаажъ и Вальтеръ-Скоттъ служили образцами, а не Бальзакъ и не Жюль Жаненъ“, не говоря уже о поэзіи, которая „осталась чужда вліянію французскому“. Возраженіе Лобанову усматривалъ Пушкинъ, конечно, и въ словахъ Скриба о несоотвѣтствіи современнаго французскаго театральнаго репертуара дѣйствительному состоянію нравовъ французскаго общества. Особенно же испугали Пушкина скорпіоны и бичи, которые рекомендовалъ Лобановъ, для борьбы съ ужаснымъ зломъ, приложить къ русской литературѣ. Въ Пушкинѣ заговорилъ честный гражданинъ и литераторъ, и онъ далъ Лобанову достойный отпоръ. „Отъ Лобанова я ничего иного и не ожидалъ“, писалъ негодуя благородный А. И. Тургеневъ и хвалилъ „скромный отвѣтъ“ Пушкина²⁾.

Въ началѣ 1836 г. въ число французскихъ „безсмертныхъ“ вступилъ извѣстный плодовитый драматургъ, авторъ множества

¹⁾ Тамъ же, № 20, стр. 162.

²⁾ „Остафьевс. Архивъ“, III. 334.—Ср. отзывъ Бѣлинскаго („Отечеств. Записки“ 1841 г., т. XIV, № 2; Сочин. Б., изд. Венгерова, т. V, стр. 524—525).

водевилей и комедій, Скрибъ¹⁾, занявшій мѣсто Арно²⁾, оставившаго по себѣ въ литературѣ память автора посредственныхъ трагедій, но остроумныхъ и язвительныхъ „fables“ („проходите скорѣе, — онъ кусается“, написалъ однажды кто-то подъ его бюстомъ). По этому поводу Скрибъ произнесъ въ торжественномъ засѣданіи Академіи discours de réception, на который отвѣчалъ ему отъ имени Академіи, по обычаю, ея постоянный секретарь, историкъ Вильменъ³⁾, а талантливый фельетонистъ Жюль-Жаненъ пошутилъ надъ ними обоими въ „Journal des Débats“⁴⁾. Для Пушкина, какъ и его круга⁵⁾, это было интересное событіе занимавшей его французской литературной жизни, а къ тому же онъ увидѣлъ въ немъ возможность наглядно показать „безвредность“ современной французской литературы, „невинность“ ея духа, представляемаго Академіей и не заслуживающаго громовъ и молній Лобанова, даже ея ничтожность. Только такъ, въ связи съ тогдашними мыслями Пушкина объ этомъ предметѣ, можно объяснить появленіе обѣихъ рѣчей съ замѣчаніями Пушкина на нихъ въ его журналѣ; иначе—это была бы непонятная случайность, а вѣдь Пушкинъ былъ въ „Современникѣ“ не „почетнымъ редакторомъ“, а „сильной пружиной“, какъ выразился Гоголь, который писалъ въ немъ⁶⁾: „редакторъ всегда

¹⁾ О его вступленіи въ Академію см. „Journal des Débats“ 30 Janvier 1836, „Réception de M. Scribe“, подп.: „Cs“.—Auguste-Eugène Scribe род. въ 1791 г., умеръ въ 1861.—Пушкинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ презрительно отозвался о водевиляхъ Скриба (письмо къ М. П. Погодину 11 іюля 1832 г.).

²⁾ Antoine-Vincent Arnault род. въ 1766 г., въ Академію вступилъ въ 1799 г. въ 1829 г. былъ выбранъ ея постояннымъ секретаремъ, умеръ въ 1834 г.

³⁾ Abel-François Villemain род. въ 1790 г., въ Академію вступилъ въ 1821 г., въ 1832 г. былъ выбранъ ея постояннымъ секретаремъ, умеръ въ 1870 г.

⁴⁾ 3 Février 1836, „M. Scribe et son vaudeville de réception“ (подп. „J. J.“). Фельетонъ Ж. Жанена дѣйствительно очень остроуменъ. Жаненъ сожалѣетъ, что изъ этого, единолично разыграннаго Скрибомъ, водевиля былъ устраненъ хоръ его сотрудниковъ, и язвительно пародируетъ рѣчь Скриба; надо прибавить, что въ фельетонѣ Жанена высказаны нѣкоторыя вѣрныя и серьезныя мысли. Объ отношеніяхъ Пушкина къ Ж. Жанену см. его Переписку, академич. изд., II, 143, его замѣтку „О новѣйшихъ романахъ“ (Сочин. П., изд. литерат. фонда, V, 161; изд. Венгерова, V, 433), „Записки“ А. О. Смирновой, I, 230—231, 328—329.—Jules-Gabriel Janin род. въ 1804, умеръ въ 1874 г.

⁵⁾ А. И. Тургеневъ посылалъ обѣ рѣчи кн. П. А. Вяземскому—см. его парижскую „Хронику Русскаго“ въ „Современникѣ“. I, 266, а также „Остаф. Арх.“, III, 298,—и можетъ быть отъ Вяземскаго Пушкинъ получилъ ихъ.

⁶⁾ „О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 году“—т. I, стр. 211. Тамъ же, стр. 218—219, Гоголь говоритъ объ отношеніи русскаго общества къ современной французской литературѣ.

долженъ быть виднымъ лицомъ“. Писательская фізіономія Пушкина видна вполнѣ въ опубликовываемой нами статьѣ. Нравилось Пушкину и лощенное изящество этихъ блестящихъ рѣчей; недаромъ онъ называлъ французовъ „остроумнымъ и положительнымъ народомъ“¹⁾).

Оставляя въ сторонѣ обильно расточенныя обоими ораторами оффиціальныя похвалы мертвымъ и лести живымъ, остановимся на двухъ—трехъ мѣстахъ рѣчей Скриба и Вильмена, которыя Пушкинъ долженъ былъ прочесть съ особымъ сочувствіемъ. „Слава Богу,—говорилъ Скрибъ,—теперь писатель не имѣетъ надобности просить вельможъ удостоить его покровительствомъ! Въ своемъ трудѣ находитъ онъ славу—и еще болѣе, если возможно—свою независимость“. Такъ же рассуждалъ и Пушкинъ: „никому отчета не давать, себѣ лишь самому служить и угождать...—вотъ счастье, вотъ права!“²⁾; „у васъ писатели не могутъ изыскивать милости и покровительства у людей, которыхъ почитаютъ себѣ равными“³⁾; „независимость и самоуваженіе однѣ могутъ насъ возвысить надъ мелочами жизни и надъ бурями судьбы“⁴⁾).

На слово „безталантныхъ“ слѣдуетъ обратить вниманіе; въ своей статьѣ о Лобановѣ Пушкинъ поправляетъ выраженіе Лобанова „безталантный“ (въ смыслѣ „бездарный“) и говоритъ⁵⁾: „г. Лобановъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать безталантный“; однако, въ языкѣ и въ литературѣ удержалось не пушкинское выраженіе. Беранже Пушкинъ недолюбливалъ; находилъ, что онъ „не поэтъ“ и „не имѣетъ ничего страстнаго, вдохновеннаго“⁶⁾. Въ его пѣсенкѣ о королѣ Ивето дѣйствительно нѣтъ ничего оппозиціоннаго ни по намѣреніямъ автора, ни по содержанію, но, когда она появилась (1813 г.), французское общество, недовольное Наполеономъ, сочло ее сатирою на императора, и она распространилась по всей странѣ въ тысячахъ списковъ; однако, вызванное ею полицейское разслѣдованіе не навлекло на автора никакихъ непріятностей, и онъ даже сохранилъ за собою мѣсто въ коронной службѣ, о чемъ рассказываетъ онъ самъ⁷⁾. Опровергая наличность къ пѣсенкѣ оппозиціоннаго настроенія, Пушкинъ отчасти устраняетъ слабый признакъ того политическаго духа, на который указывалъ Лобановъ: патриар-

¹⁾ Сочин., изд. литерат. фонда, V, 161.

²⁾ „Изъ VI Пиндемонте“.

³⁾ „Мысли на дорогѣ“.

⁴⁾ „Вольтеръ“—„Современникъ“ 1836 г., т. III, стр. 169.

⁵⁾ „Современникъ“, т. III, стр. 102.

⁶⁾ См. наши „Новооткрытыя страницы Пушкина“, СПб., 1909, стр. 37.

⁷⁾ „Oeuvres posthumes“, Paris, 1858, p. 517.

хальный король Ивето могъ и можетъ сойти за сатиру не на одного Наполеона.

Касаясь лицъ, упомянутыхъ Пушкинымъ въ его примѣчаніи къ рѣчи Вильмена, скажемъ вкратцѣ, что талантъ Гюго нашъ поэтъ признавалъ, хотя считалъ его „второстепеннымъ“¹⁾, а Балланша называлъ гордостью Франціи²⁾. Объ избраніи Дюпати³⁾ на вакансію Лене⁴⁾ и о сопровождавшихъ это избраніе обстоятельствахъ писалъ А. И. Тургеневъ въ своей „Хроникѣ Русскаго“⁵⁾.

Такимъ образомъ, на статью Пушкина о Французской Академіи, которая отнынѣ, конечно, будетъ вводиться въ собранія его произведеній, нужно смотрѣть не какъ на незначительное приобрѣтеніе, не какъ на простое матеріальное дополненіе къ собранному до сихъ поръ его творческому наслѣдію, а какъ на важный этапъ его писательскаго пути. Рядомъ и въ связи съ отвѣтомъ Лобанову, она служитъ показателемъ благотворнаго кризиса, совершившагося въ его ранѣ сложившихся литературныхъ воззрѣніяхъ, но безжалостно оборваннаго смертью и не дошедшаго до полного разрѣшенія, отъ котораго можно было бы ждать великихъ послѣдствій для литературы.

Н. Лернеръ.

¹⁾ „О Мильтонѣ и Шатобриановомъ переводѣ Потеряннаго Рая“ — „Современникъ“, т. V, 1837 г., стр. 134.

²⁾ Въ цитиров. отвѣтъ Лобанову.

³⁾ Louis-Emanuel-Félicité-Charles Mercier Dupaty (1775—1851 г.г.) былъ напыщенный стихотворецъ и драматургъ, авторъ ямбической поэмы „Délateurs“ (1819); въ академію онъ вступилъ въ 1835 г.

⁴⁾ Joseph-Henri-Joachim vicomte Lainé (1767—1835 г.г.), адвокатъ и политическій дѣятель, замѣчательный ораторъ, не бывъ писателемъ, былъ выбранъ въ Академію въ 1816 г. — Louis-Matthieu comte Molé (1781—1855 г.г.), политическій дѣятель и писатель, въ Академію былъ выбранъ въ 1840 г.

⁵⁾ „Современникъ“, т. I, стр. 281—282.